

Раздел 2. Проблемы рецепции и интерпретации
в мировой литературе и культуре

УДК 821.112.2-311.4:81'255

doi 10.17072/2304-909X-2025-21-82-90

**ТАНАПОЭТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ ЧЕРЕЗ ОЛЬФАКТОРНОЕ
ВОСПРИЯТИЕ В РОМАНЕ Э. М. РЕМАРКА «ТРИ ТОВАРИЩА»
В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ОРИГИНАЛЬНОГО
ТЕКСТА НА РУССКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ**

Константин Владимирович Мазин

аспирант Института филологии и массмедиа

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского

248023, Россия, Калуга, ул. Степана Разина, 26

nikobellish@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 14.11.2025

В статье рассматривается комплекс танатологических мотивов и образов и их передача через ольфакторное восприятие в романе Э. М. Ремарка «Три товарища» (на немецком, английском и русском). Делается вывод о том, что Э. М. Ремарк использует ольфакторную лексику не просто как фон или средство характеристики, но строит с помощью неё сложную танатологическую метафору для более точной передачи эмоций персонажей.

Ключевые слова: танатопэтика, танатология, ольфакторная лексика, образы смерти, Эрих Мария Ремарк.

Обоняние, будучи одним из наиболее древних и мгновенно реагирующих каналов восприятия, выступает для человека первоосновой в построении картины повседневности. Именно через запах индивид зачастую получает первичную, невербальную и потому особенно глубокую информацию об окружающем пространстве. В литературном тексте эта психофизиологическая особенность находит свое отражение в использовании ольфакторной лексики. Создаваемые с ее помощью образы выполняют функцию тонкого, но чрезвычайно мощного инструмента психологизма, позволяя автору не просто описать, но и эмоционально обогатить внутренний мир персонажей. Через отношение к определенным запахам и ассоциативный ряд, который они вызывают, раскрывается сложный спектр переживаний, в том числе и самое экзистенциальное из

них — отношение к смерти, которое из отвлеченной философской категории превращается в осязаемый, чувственно проживаемый опыт.

В 1993 г. литературовед А. Ханзен-Лёве отметил: «...В мире поэтики и мировоззрения Мандельштама смерть занимает настолько доминирующее положение, что это позволяет нам говорить о танатопоэтике». Работа получила название «Танатопоэтика Мандельштама» (Mandel'shtam's Thanatopoetics, 1993), и с тех пор заявленный термин стал одной из визитных карточек ученого.

Немецкий исследователь вписывает танатопоэтику в широкий философский контекст (от М. Хайдеггера до Ж. Бодрийера) и одновременно имплицитно выделяет ее из общего танатологического дискурса как специфическую область: при анализе философских и эстетических трудов он использует термин «танатология», тогда как применительно к литературе говорит о «танатопоэтике» [Красильников 2016: 84].

Р. Л. Красильников утверждает, что описание танатологических элементов можно обнаружить уже в «Поэтике» Аристотеля. Рассматривая фабульную структуру трагедии, Аристотель, вслед за «перипетией» и «узнаванием», ее третью часть обозначает как «страдание» («страсть») — «действие, причиняющее гибель или боль, как, например, всякого рода смерть на сцене, сильная боль, нанесение ран и тому подобное» [Аристотель 2007: 52 b9]. При этом Р. Л. Красильников отмечает, что первые танатологические исследования появились ещё в начале XX века в литературоведении. Исследователи использовали методы сопоставления творческих систем и анализ поэтики, однако первые труды ещё носили междисциплинарный характер, ввиду отсутствия в данный период литературоведческих категорий анализа феномена смерти. Среди таких работ можно назвать И. Анненского «Умиравший Тургенев» (1906), Д. Святополка-Мирского «Веяние смерти в предреволюционной литературе» (1927), Л. Шестова «На весах Иова» (1929) и др. [Красильников 2015: 37].

Исходя из работ А. Ханзена-Лёве, Р. Л. Красильников определил танатопоэтику как дисциплину, изучающую способы репрезентации танатологической семантики, построения танатологических текстов или их фрагментов, влияние темы смерти на формальный строй произведения. С другой стороны, как и в случае с просто «поэтикой», этот термин может обозначать совокупность данных способов, т. е. объект изучения в соответствующем исследовании [Красильников 2016 :85].

Изыскания в области танатопоэтики могут касаться различных вопросов репрезентации танатологических мотивов: места их расположения в произведении (начале, середине или кульминационной точке, конце), их воздействия на текстовые анахронизмы (воспоминания или

пророчества), средств их выражения (тропов, риторических фигур), их модальности (изобразимости – неизобразимости, реализации – нереализации танатологического акта) и т.д. [Красильников 2016: 85]

Научных работ, связывающих Э. М. Ремарка и танатопэотику, в российском научном сообществе ещё не было. Учёные рассматривали другие темы, связанные с произведениями немецкого автора. Исследование О. Е. Похаленкова и С. Е. Никуличевой посвящено художественной танатологии в романе Э. М. Ремарка «Жизнь взаймы, или Небо не знает фаворитов». В данной работе доказывается гипотеза о тенденции в творчестве Э. М. Ремарка к широкому использованию образов, традиционно связанных со смертью [Похаленков, Никуличева 2022: 112].

В статье Ю. П. Нечай и Н. О. Линке «Вербальная агрессия в художественной прозе Э. М. Ремарка и способы ее экспликации» рассматриваются особенности речевой агрессии на материале языка текстов художественной прозы Э. М. Ремарка и его реализация в русских переводах. Под речевой агрессией авторы понимают речевое поведение, имеющее целью отрицательного влияние на адресата. Из интересного стоит отметить, что в выводе авторы отмечают, что через вербальную агрессию герои произведений Э. М. Ремарка хотят самореализоваться, а не только использовать вербальную агрессию как средство воздействия и подчинения [Нечай, Линке 2023: 110].

Е. В. Чернухина и Е. В. Шерстюкова в своей статье «Концепт Angst (Страх) в немецком языке (на примере произведений Э. М. Ремарка и М. Энде)» приходят к выводу, что лингвистический концепт «Angst» позволяет передать различные оттенки страха, например страх необъяснимого или одиночества. Также авторы выделяют страх смерти, что является актуальным не только для психолингвистики, но и для танатологии [Чернухина, Шерстюкова 2014: 106].

Для Ремарка смерть – это естественная, обыденная категория, в которой мыслится существование персонажей. Установленный ход вещей воспринимается ими как закономерный и единственно правильный. Для творчества писателя «потерянного поколения» не была свойственна такая тенденция начала двадцатого века, как отрицание смерти. О том, что в танатологии предыдущего столетия наблюдается обратная картина, пишет Р. Л. Красильников: «Пятый этап, названный Арьесом “смерть перевернутая”, характерен для XX века, когда общество вытесняет смерть из коллективного сознания, ведет себя так, как будто ее не существует» [Красильников 2007: 37]. В романах Ремарка она, наоборот, окружает все и во все проникает. Об этом можно судить по тому, что танатология тесно соприкасается со всеми поэтологическими уровнями романов Ремарка [Похаленков, Никуличева 2022: 112].

В данной работе мы остановимся на образах смерти, влияющих на эмоциональное состояние героев, а также помогающих читателям определить эмоционально-сюжетный контекст эпизода романа. Данные образы смерти должны быть неразрывно связаны с ольфакторной лексикой, то есть обязаны восприниматься органами обоняния. Как уже было сказано выше, запах является одним из первых, что замечает человек в своей повседневной жизни повсеместно и сразу. Ольфакторная лексика и образы, созданные ею, помогает автору более точно передать эмоциональную составляющую персонажей и их отношение к смерти.

Ольфакторная лексика, относящаяся к запахам, является важным элементом в языке литературы, поскольку запахи могут вызывать сильные ассоциации и эмоциональные отклики, зачастую скрытые в подсознании. В произведении Э.М. Ремарка запахи не только помогают создавать атмосферу времени и места, но и отражают внутренний мир героев, их переживания, страхи и стремления. В данной статье будет проанализировано, как использование ольфакторной лексики в разных языковых версиях произведения помогает передать особенности построения художественных образов и авторских деталей и как этот лексический элемент работает в контексте перевода с немецкого на английский и русский языки.

Ольфакторная лексика представляет собой специфическую часть языка, которая включает в себя слова и выражения, описывающие запахи и ароматы. В литературе запахи обладают уникальной способностью передавать не только физические характеристики окружающего мира, но и глубинные эмоциональные состояния, ассоциации и психоэмоциональные переживания персонажей. В отличие от визуальных образов, запахи часто ассоциируются с бессознательным, создавая связи, которые могут быть как положительными, так и отрицательными, выражая тревогу, комфорт или, наоборот, дискомфорт [Мазин, Похаленков 2025: 71].

Рассмотрим каждый пример по отдельности:

Пример №1.

Нем. «Sie kam jeden Morgen zwei Stunden... aber hinter Schnaps war sie wie die Ratte hinterm Speck» [Remarque 2021]¹.

Рус. «Она приходила каждое утро часа на два... а вот спиртное действовало на неё, как сало на крысу» [Ремарк 2024]².

Англ. «She used to come to us for two hours every morning... but schnapps she could smell out as far as off as a rat a slice of bacon» [Ремарк 2023]³.

В немецкой и русских версиях нет акцента на запах, в то время как в английской внимание акцентируется именно на схожести горничной

главного героя с животным и её способности находить, «учуять» шнапс как мышь учует бекон.

Пример №2.

Нем. «Als ihre dunkle, etwas rauhe Stimme geisterhaft plötzlich in Frau Zalewski Vorzimmer zwischen Wildschweinsköpfen, Fettgeruch und Küchengeklirr leise und etwas langsam, als dächte sie vor jedem Worte nach, sprach, verschwand auf einmal meine Unzufriedenheit».

Рус. «И когда её низкий, хрипловатый голос, словно по волшебству, зазвучал вдруг во владениях фрау Залевски, среди кабаньих голов, запахов жира и звякающей посуды, — зазвучал медленно, тихо, так, будто она раздумывала над каждым словом, моё недовольство жизнью сняло как рукой».

Англ. «Then when the deep, slightly husky voice spoke out suddenly like a ghost into the smell of fat and clatter of dishes from Frau Zalewski's parlour — a soft voice speaking slowly, as if it pondered each word — all my discontent vanished».

В данном примере мы видим противопоставление любовного интереса главного героя миру, в котором он живет. Что-то чистое и нежное проникает в грязный и дурно пахнущий мир, окружающий главного героя. Стоит отметить, что в немецком и английском варианте используется единственное число существительного «запах» (the smell, Fettgeruch), в то время как в русском переводе используется форма множественного числа «запахов», что увеличивает диапазон обоняния для русского читателя.

Пример №3.

Нем. «Sie starrte auf meinen Schnaps, als wäre es ein verfaulten Fisch».

Рус. «Она с таким видом уставилась на мой коньяк, точно это была тухлая рыба».

Англ. «She glared at my schnapps as if it were stinking fish».

Тухлая рыба вызывает неприязнь на двух уровнях. Кто-то может визуализировать вид тухлой рыбы, а кто-то может почувствовать запах, что также вызывает отвращение, что и показывает Ремарк в данном отрывке. Как можно заметить, переводчики на разных языках передали с одинаковой точностью и без выделяющихся признаков посыл оригинального текста.

Пример №4.

Нем. «Der Rum war stark und frisch. Er schmeckte nach Sonne».

Рус. «Ром был крепок и свеж. Он пах солнцем».

Англ. «The rum was strong and fresh, and tasted of the sun».

Это самый неоднозначный пример из рассмотренных нами. В немецкой и английской версии используются слова «schmecken», «to taste», что переводится «быть на вкус», в русском переводе используется именно «пахнуть», «пахнуть солнцем» – это метафора, которая означает ощущать лёгкий и свежий запах, связанный с тёплым летним днём и длительным пребыванием на солнце (см. [Мазин, Похаленков 2025: 73]).

Что касается танатопэтики и ее образов, то в данных примерах можно наблюдать классический случай, когда жизнеутверждающее начало сталкивается с комплексом образов угасания, разложения и смерти, передаваемых через запахи. Это не физическая смерть, но образ духовного и эмоционального умирания в неподлинной, отравленной среде.

1. «Запахи жира» и «кабаньи головы»: поэтика мертвенной материи. В данном отрывке «Кабаньи головы» – это сразу два сильных танатологических образа:

1. Трофей, то есть свидетельство насильственной смерти.
2. Отсутствие жизни: голова без тела – это символ усеченного, неполноценного существования. Вместо целостного живого существа – лишь его мертвая часть, используемая как украшение. Это создает атмосферу таксидермии, где внешняя форма есть, а внутреннего содержания (жизни) уже нет.

«Запахи жира» – ключевой ольфакторный образ. Жир, особенно остывший, застывший, – это не аппетитный запах готовящейся пищи. Это тяжелый, удушливый, «мертвый» запах. Он ассоциируется с застоем, с чем-то отработанным и нечистым. В контексте танатопэтики это запах тления плоти, разложения органики, что прямо отсылает к материальной, телесной стороне смерти.

Итог: Пространство «владений фрау Залевски» предстает как мир-морг или мир-трофейная, где царит атмосфера застывшей, окостеневшей жизни, лишенной духа. Это пространство «неподлинного бытия», в котором пребывает главный герой до появления Патриции.

2. «Спиртное, как сало на крысу» и «тухлая рыба»: яд и разложение.

Эти сравнения – мощнейшие усилители танатопэтического фона. «...спиртное действовало на неё, как сало на крысу». Сало здесь – не еда, а отрава. Это переворачивает привычную смысловую парадигму. Образ смерти возникает через метафору отравления. Крыса – классический спутник смерти и чумы в культурной памяти (примечание: «Крысолов» или образы эпидемий). Таким образом, героиня оказывается суще-

ством, иммунным к яду этого мира. То, что является нормой и «топливом» для обитателей этого пространства (спиртное), для неё – смертоносно.

«Она с таким видом уставилась на мой коньяк, точно это была тухлая рыба». «Тухлая рыба» – это эталонный запах разложения и смерти. Восприятие коньяка (символа бегства, забвения) как тухлятины – это высшая степень отрицания, оценка с позиции жизненной аутентичности. Героиня видит в этом не средство удовольствия, а продукт распада, духовный труп.

3. Контрапункт: «Ром... пах солнцем» как анти-танатологический образ

На фоне этой картины разложения образ рома, который «пах солнцем», выполняет функцию жизнеутверждающего контрапункта. Для многих запахов алкоголя является неприятным, запахом яда или даже смерти. Тем интереснее, что «Солнце» – это архетипический символ жизни, энергии, истины, божественного начала, но при этом этот запах имеет то, что обычно несёт за собою смерть. Для Роберта алкоголь (смерть) пахнет «солнцем» (жизнью). На этом контрасте подчеркивается удручающее состояние главного героя, который чувствует себя живым только, когда выпьет.

В данных фрагментах танатопэтика проявляется не в прямых упоминаниях о смерти, а в создании сенсорного, ольфакторного ландшафта смерти:

1. Пространство описано как место, где господствуют атрибуты смерти (трофеи-головы) и её запахи (жир).
2. Средства существования в этом пространстве (спиртное) метафорически приравниваются к яду и разложению («сало для крысы», «тухлая рыба»).
3. Появление героини и её оздоравливающее воздействие («недовольство жизнью сняло как рукой») подобно вторжению жизненной силы в царство смерти. Её голос, «словно по волшебству», оживляет это мертвенное пространство с запахами тухлятины и разложения.

Таким образом, ольфакторная лексика в анализируемых фрагментах выполняет функцию не просто фона или средства характеристики, а становится центральным инструментом конструирования сложной танатологической метафоры: духовная смерть в мире пошлости и забвения и возможность воскрешения через подлинное чувство и живое слово. Автор выстраивает целостную сенсорную оппозицию, где мир физической и духовной энтропии, воплощенный в тяжелых, «мертвых» запахах (застывший жир, потенциальная тухлятина), противостоит животворящему началу, выраженному через образы свежести и солнца.

На рассмотренных примерах было показано, что, хоть тексты на всех трех языках и имеют схожести, русский перевод больше стремится передать ольфакторный аспект через различные художественные приёмы, в то время как английский перевод следует оригинальному тексту с незначительными изменениями.

Примечания

¹ Далее цитирую текст романа на языке оригинала по этому изданию без указания страниц. – *К.В.*

² Далее цитирую текст романа на русском языке по этому изданию без указания страниц. – *К.В.*

³ Далее цитирую текст романа на английском языке по этому изданию без указания страниц. – *К.В.*

Список литературы

Аристотель. Поэтика. Риторика. / Пер. с др.-греч. В. Аппельрота, Н. Платоновой. СПб.: Изд. дом «Азбука-классика», 2007. 352 с.

Красильников Р. Л. Образ смерти в литературном произведении: модели и уровни анализа. Вологда: ГУК ИАЦК, 2007. 140 с.

Красильников Р. Л. Танатологические мотивы в художественной литературе. Введение в литературоведческую танатологию. / Р. Л. Красильников — «Языки Славянской Культуры», 2015. 305 с.

Красильников Р. Л. Танатопозитика в сфере идей М.М. Бахтина // Международный журнал исследования культуры. Номер 1(22) 2016. С. 83–88

Мазин К. В., Похаленков О. Е. Роман Э. М. Ремарка «Три товарища» в историко-литературном контексте Веймарской республики // Электронный научный журнал «Дневник Науки» №5 (101) 2025. С.71–74.

Нечай Ю. П., Линке Н. О. Вербальная агрессия в художественной прозе Э. М. Ремарка и способы ее экспликации // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 98. № 3. С. 110–113. doi: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-110-113

Похаленков О. Е., Никуличева С. Е. Художественная танатология романа Э. М. Ремарка «Жизнь взаймы или Небо не знает фаворитов» // Litera. 2022. № 12. doi: 10.25136/24098698.2022.12.39144. EDN: KJMPBK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39144 (дата обращения: 30.10.2025).

Ремарк Э. М. Три товарища: книга для чтения на английском языке/ пер. с нем. А.У.Уин / СПб: КАРО, 2023. 512 с.

Ремарк Э. М. Три товарища / пер. с нем. Ю. Архипова. М.: АСТ, 2024. 480 с.

Чернухина Е. В., Шерстюкова Е. В. Концепт Angst (Страх) в немецком языке (на примере произведений Э.М. Ремарка и М.Энде)// Язык и Культура (Новосибирск), № 10. 2014. С. 103–107.

Remarque E. M. Drei Kameraden // Köln: Verl. Kiepenheuer & Witsch — 4. Auflage 2021. 590S.

**THANAPOETIC MOTIVES
THROUGH OLFACTORY PERCEPTION
IN E. M. REMARQUE'S NOVEL *THREE COMRADES*
IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF TRANSLATING
THE ORIGINAL TEXT INTO RUSSIAN AND ENGLISH**

Konstantin V. Mazin

Postgraduate student of the Institute of Philology and Massmedia

Kaluga State University

248023 Russia, Kaluga, Stepan Razin str., 26

nikobellish@mail.ru

Submitted 14.11.2025

The article examines the complex of thanatological motives and images and their transmission through olfactory perception in the work of E.M. Remarque *Three Comrades* in the first chapters in three languages (German, English and Russian). The study also pays special attention to the work of other scientists studying Remarque. The author comes to the conclusion that E.M. Remarque uses olfactory vocabulary not only as a background or a means of characterization, but builds a complex thanatological metaphor with it to more accurately convey the emotions of the characters.

Key words: thanatopoetics, thanatology, olfactory vocabulary, images of death, Erich Maria Remarque.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Мазин К. В. Танатопозитические мотивы через ольфакторное восприятие в романе Э. М. Ремарка «Три товарища» в контексте проблемы перевода оригинального текста на русский и английский языки // Мировая литература в контексте культуры. 2025. № 21 (27). С.82–90.

doi 10.17072/2304-909X-2025-21-82-90

Please cite this article in English as:

Mazin K. V. Tanatopoeticheskiye motivy cherez olfaktornoye vospriyatiye v romane E. M. Remarka «Tri tovarishcha» v kontekste problemy perevoda originalnogo teksta na russkiy i angliyskiy yazyki [Thanapoetic Motives through Olfactory Perception in E. M. Remarque 's Novel *Three Comrades* in the Context of the Problem of Translating the Original Text into Russian and English]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture]. 2025, issue 21 (27), pp. 82–90. doi 10.17072/2304-909X-2025-21-82-90